

ОБ АМЕТОВЕ И. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

АМЕТОВ Эскандер (Искандер) Мустафович. Получил высшее образование, служил в учреждении. В 1928 — арестован, приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

5 января 1929 — к Е. П. Пешковой обратился за помощью социал-демократ Павел Михайлович Грацианов, ее давний знакомый по Нижнему Новгороду.

«5 января 1929 г<ода>.

Гурзуф.

Е. П. Пешковой лично.

Многоуважаемая
Екатерина Павловна!

Я, — Грацианов Павел, тот самый с<социал->д<емократ> и член Нижегородского Комитета в период 1901-1904 г<о>д<ов>, который часто бывал у Вас в доме Лемке и в доме Киршбаума, — хотел бы помочь Крымскому татарину Эскандеру Аметову, за которого хлопотал уже через Вас доктор С. Я. Елпатьевский и З. А. Ширяева.

Эскандер (Искандер) Аметов, по справке, добытой Политпомощью, ссылается на Соловки на 5 лет за Ибраимовщину, за национализм и за турецкую ориентацию (Кемализм).

Я давно живу в Крыму, очень хорошо знаю Э. Аметова и определенно утверждаю: 1) что Аметов всегда был во враждебных отношениях с Вели Ибраимовым; 2) что Аметов (человек беспартийный в настоящем и в прошлом) по складу мыслей не националист, не фанатик Ислама и не турнофил; а, наоборот, убежденный сторонник общеевропейской культуры; что он — не политик, а чистый культуррегер, притом очень ценный культуррегер — татарин; 3) что Эск<андер> Аметов, рано потеряв отца, — с юных лет трудовой интеллигент, следовательно, ни в какой мере не деревенский кулак и не нэпман.

Я готов это подтвердить, как свидетель. Конечно, вместе со мною это подтвердят и другие многочисленные свидетели в Крыму, если их только спросят.

В Крыму остро не хватает культурных татар. Татарская масса все еще очень темна, и при недоверии ее к русским только татарская интеллигенция, работающая в советских учреждениях, способна пробить вековую косность, обособленность и все еще стойкий религиозный фанатизм деревни. Ужасно печально, что удаляют из Крыма ценные культурные единицы, которых мало.

О Крымско-татарской демократической интеллигенции нельзя судить по 1917-му году. Тогда все татары начали с примитивного национализма, как и другие освобожденные от гнета малые нации бывшей царской России, плюс примитивная вражда к мурзакам (т<о> е<сть> дворянам, обычно русофилам). С тех пор прошло достаточно много времени, политическое сознание выросло, произошло расслоение.

Нельзя о всех крымских татарах огульно судить по Ибраимовской группе: в каждой народности авантюристов и убийц мало, честно трудящихся много. Антитатарское настроение далеко зашло и начинает уже напоминать антисемитизм.

Не можете ли, Екатерина Павловна, дать ход вот этому моему письму.

Еще одно обстоятельство: Крымские татары, прожившие всю жизнь в тепличной обстановке южного берега, не перенесут холодов дальнего севера и быстро вымрут. Неужели нельзя никуда их деть иначе, как на

Соловки. Я живо помню, как в Бутырской тюрьме, где я сидел в начале 1899 г<ода>, ежедневно пачками выносили трупы сартов, сосланных за Андижанское восстание, и тюремный доктор говорил, что причина смерти одна — северный климат.

С искренним приветом П. М. Грацианов»¹.

На письме — помета:

«Увед<омить>: в пересм<отре> дела Аметова Эсканд<ера> отказ<ано>».

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 465. С. 224. Автограф.